

дальней машины доложили: «Мы его достать не можем, не позволяет рельеф местности». Доложил другой командир танка: «Я миномет вижу в прицеле, попробуем завалить». Попытался — не попал. ГАЗ-66 ушел в «зеленку». Но она вскоре заканчивалась, дорога шла в гору, видимость открывалась замечательная, как в тире.

В такие минуты просыпается инстинкт охотника. Лейтенант Касков предложил комбригу: «Давайте, я его завалю с первого выстрела». Полковник недоверчиво покачал головой. Олег попросил: «Только уберите людей перед танком».

Уверенность рождалась не на пустом месте. Параллельные дороги расходились. Машина боевиков должна была свернуть и уехать в горы, став удобной мишенью, что называется, на догонном курсе. Так оно и вышло. Экипаж Каскова стрелял с места, в полной тишине, с дистанции примерно 3750 метров. Все дальнейшее напоминало кадры кинофильма: вспышка взрыва, отлетает кабина. Реплика комбрига: «Ничего себе!» — дорогого стоит.

Каждый должен знать свое место в бою. Участие в рейдовых действиях заставляло анализировать роль и место танков на чеченской войне. Лейтенант О. Касков исходил из боевой эффективности надежных и грозных Т-72. Он обратился к комбригу: «Отпустите меня в головную походную заставу, к разведчикам. Ну что я с вами иду в середине колонны? Поставьте сюда БМП».

У Олега Александровича — сочный и образный язык, который вырабатывает война. Одно из любимых слов — «замануха». Оно напоминает другое слово — «заваруха». «Для нас самое главное — ввязаться в бой, войти в боевое соприкосновение с противником, обнаружить его», — говорит полковник О. Касков. — Боеви-

ки ведь не выходят на дорогу, к себе не подпустят. Они наносят удары из-за домов, из канав, «зеленки». Боевые ситуации развиваются стремительно. На запрос артиллерии уходит время. Танк в условиях горной войны приобретает уникальное значение мгновенной артиллерийской поддержки, устройства огневых засад. «Замануха» чаще всего случается у войсковых разведчиков, которые идут впереди с саперами. Я к ним отношусь с огромным уважением. Разведка — опасное дело. Из-за ранений в разведроте 166-й бригады менялось до трети личного состава. Работая в тесном взаимодействии с разведчиками, мы выработали свою тактику в бою. Они становились танковыми корректировщиками. К тому же мой танк и БМП разведчиков нередко работали в одной связке, когда мы обнаруживали противника. Огневой удар по нему был стремительным и эффективным. Боевиков мы плющили неплохо, а это опытный и сильный противник».

Касковы — боевой род. Дерзко и азартно они воевали на фронте. Через пятьдесят лет после Победы их внук также дерзко и азартно воевал в Чечне. «Мы воевали не с чеченцами, а с бандитами, разрушившими мирную жизнь», — говорит Олег Александрович. Когда 3 апреля 1996 года колонна мотострелков выходила из Южного Центороя на Белгатой, по ней боевики открыли минометный огонь. Было ясно, что без корректировщика здесь дело не обошлось. Он находился в одном из домов на окраине Белгатоя. Не разрушать же все человеческие жилища. Но как его вычислить? Лейтенант Касков, внимательно изучая в оптику дома, увидел: на черепичной крыше одного из них отсутствует небольшое звено, пластина. Туда и нанес удар. Минометный обстрел прекратился. Потом он лично осмотрел «лежку» корректировщика.